

В твоих словах чувствуется привкус лжи, дядя. Тан Чжэнь улыбнулся, заказал кувшин горячего чая, а затем сказал Тан Саню:

— Сначала выпейте чаю. Такие вещи не объяснишь в двух словах, можете не спешить. У нас впереди еще полно времени.

Тан Сань тревожился в душе, но раз уж единственной зацепкой был этот юноша перед ним, ему пришлось сдержаться, сесть и молча ждать.

Сяо У нетерпеливо ткнула пальцем в Тан Чжэня и выпалила:

— Да ты ведь наверняка понятия не имеешь, где отец Сань-гэ! Просто тянешь здесь время. Какая у тебя цель?!

Тан Сань схватил Сяо У за руку и заставил сесть и ждать дальше.

Тан Чжэнь не придавала этому значения, сделал глоток горячего чая и передал мысленно:

— Дядя, почему ты молчишь? Сам явишься и расскажешь Тан Саю свою ложь, или мне самому озвучить угаданную правду?

Тан Хао широко раскрыл глаза! Прячась в тени, он в упор смотрел на Тан Чжэня и, скрежеща зубами, проговорил мысленную реплику:

— Ты! А еще сын старшего брата называется, угрожаешь собственному дяде!

Тан Чжэнь с абсолютно равнодушным видом отпил еще чаю и обратился напрямую к Тан Саю:

— Тан Сань, на самом деле твой отец...

Не успел он договорить, как Тан Хао в спешке выскочил наружу и в мгновение ока очутился за спиной Тан Чжэня.

Схватив Тан Чжэня за плечо, он сделал вид, что сохраняет невозмутимость, и произнес:

— Сяо Сань, эх. Давай лучше я сам расскажу.

— Папа?! — изумленно воскликнул Тан Сань. Его отец Тан Хао неожиданно появился вот так запросто!

Тан Хао тяжело вздохнул и промолвил:

— Многое отец не может рассказать тебе сейчас. Для тебя это слишком опасно, и ты не должен нести этот груз. Но я могу сказать лишь одно: твой отец — человек потерпевший крах. Ты непременно должен защищать тех, кого любишь в своем сердце, и никогда не отказывайся

ради силы от членов семьи. Сяо Сань, ты сможешь это запомнить, понимаешь?

Тан Сая перехватило горло. Стоило ему вспомнить, что отец, ушедший без прощания, на самом деле все это время переживал о нем и тайком оберегал его покой, как глаза его мгновенно налились влагой. Он уже было хотел расплакаться, но вспомнил наставления Тан Хао о том, что нужно быть стойким мужчиной и не сметь реветь, и судорожно сглотнул слезы обратно.

Одолеваемый недоумением, он спросил:

— Папа, какие такие трудности заставляют тебя бороться в одиночку? А кто этот Тан Чжэнь? И почему столько лет ты не мог показаться мне на глаза?

Сердце Тан Хао пронзила боль. Подавив рвущуюся наружу ласковую улыбку, он сурово отчитал сына:

— Сяо Сань! Я спрашиваю, запомнил ты мои слова или нет?!

Тан Сань на мгновение ошеломился, а затем громко ответил:

— Запомнил!

Довольный Тан Хао развернулся и ушел, не оставив и следа — лишь бросил напоследок:

— Тот парень по имени Тан Чжэнь, что стоит напротив тебя — твой двоюродный брат.

— Двоюродный... брат? — Тан Сань замер. С тех пор как Тан Хао покинул его, у него совсем не было родственников на чужбине, и лишь Сяо У сопровождала его повсюду.

Этот внезапно объявившийся кузен не только помог ему увидеться с отцом и узнать многое, но и то, что отец сам подтвердил личность двоюродного брата, означало — ему можно доверять.

Тан Чжэнь кивнул, с улыбкой глядя на Тан Сая и Сяо У, и произнес:

— Я пробуду здесь еще несколько месяцев. Если понадобится, можете искать меня на Арене Душ.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, оставив Тан Сая незабываемый, гордый силуэт.

Петляя по переулкам, Тан Чжэнь разыскал Тан Хао, облаченного в грубые полотняные одежды, с густой бородой, запавшими глазами и совершенно опустившимся видом.

Он осведомился:

— Разве так поступать правильно? Половина твоей любви к нему ведь объясняется тем, что он обладатель двойных боевых душ, верно? Сделать его кандидатом для мести Залу Духов, авось в конце концов удастся выйти сухим из воды.

Наблюдая, как Тан Чжэнь на ходу выстраивает логические цепочки, Тан Хао с некоторой тревогой спросил:

— Ты... до многого ли догадался?

Тан Чжэнь равнодушно усмехнулся. В этой улыбке сквозило презрение и нескрываемое пренебрежение. Поджав губы, он произнес:

— Пф, неужели я не слышу, как громко ты счетоводствуешь? Родился сын, жена вот-вот обратится в человека, у самого девяностый ранг — и надо же такому случиться, Зал Духов случайно всё обнаруживает. Если за кулисами не было твоих закулисных махинаций или умелого руководства, ни за что не поверю.

Тан Хао на миг лишился дар речи. Он никак не ожидал, что Тан Чжэнь сумеет докопаться до столь мелких деталей. В душе поднялась жгучая волна безысходности, и он выдавил:

— Племянник, не угостишь меня выпивкой? Я признаюсь тебе во всем.

Эта выпивка должна была стать и отчетом перед Тан Чжэнем, и одновременно средством и способом выплеснуть накопившуюся на сердце тоску.

Поразмыслив, Тан Чжэнь ответил:

— Без проблем, пошли, дядя. У меня как раз припасено несколько кувшинов отличного вина. Тебе крупно повезло.

Они вдвоем добрались до постоянного двора. Заказав две тарелки говядины, Тан Чжэнь извлек кувшин вина и доверху наполнил чаши себе и Тан Хао.

Тан Хао поднес пиалу к губам и сделал жадный глоток. Густой винный аромат и обжигающая крепость обожгли рот и застряли в горле. Хотя это было крепчайшее спиртное, он пил его так, словно обычную воду.

Пиала улетела за один присест.

От этого жеста повеяло удалью и неизбывной щедростью. На щеках проступил хмельной румянец, и он снова горестно вздохнул:

— Эх, от тебя ничего не утаишь... Признаю, в молодости я был горяч и амбициозен — мне захотелось стать самым молодым титулованным Доуло и заодно добыть стотысячелетнее Духовное Кольцо. Это потрясло бы весь материк. Вот почему я устремил взор на А Инь. Во мне зародился злой умысел. Я намеренно позволил обнаружить себя, заманив А Инь в ловушку,

чтобы она совершила жертвоприношение ради меня.

Произнеся это, он со всего маху отвесил себе звонкую пощечину!

С ненавистью в голосе он выкрикнул:

— Но когда А Инь принесла себя в жертву, я прозрел и горько пожалел об этом! Какая польза от славы и мощи, если рядом нет любимой женщины?! Племянник, то, что я сказал Сяо Саю, справедливо и для тебя! Никогда не калечь родных ради обречения силы! Ни в коем случае. Я раскаиваюсь каждый божий день, но толку-то от моих терзаний? А Инь уже не вернется! Сон за сном терзают меня кошмарами, и лишь алкоголь позволяет заглушить боль, чтобы я мог хоть как-то влачить жалкое существование нормального человека. Я виноват перед А Инь, виноват перед старшим братом, виноват перед кланом. Нынешний я — одержимый безумец, трус, исчадие ада, преступник, из-за которого клан ушел в затворничество. Какое у меня лицо, чтобы возвращаться в клан!

Тан Хао схватился обеими руками за голову, и сожаление в его глазах казалось готовым пролиться на все вокруг.

Тан Чжэнь отправил в рот кусочек говядины, залпом осушил свою чашу и произнес:

— Дядя, не зря говорится: нет человека без греха, да и другая поговорка гласит — оступившись, исправить ошибку — великое благо. Пока у тебя есть раскаяние в сердце, я смогу покрутиться в клане и выбить для тебя немало способов искупить вину или вполне законно вернуться домой.

Тан Хао удрученно покачал головой:

— Я прекрасно знаю состояние своего тела, мне осталось жить недолго, какое уж тут искупление вины. Если говорить о пользе напоследок... Я хочу, чтобы после моей смерти ты вернул в клан две кости духовных навыков, оставшиеся в моей левой руке и правой ноге, в знак искреннего раскаяния Тан Хао.

Тан Чжэнь уже собирался что-то ответить, как боковым зрением уловил знакомый силуэт.

Самый дорогой его сердцу образ: черное шелковое платье, бамбуковая шляпа и черная вуаль. Стройная фигура и иссиня-черные длинные волосы.

Он тут же поспешил сдвинуть пиалы и закуску к Тан Хао, оставив перед собой лишь пустую тарелку из-под говядины, и украдкой проверил, не покраснело ли лицо, не выдает ли оно признаки выпитого.

Глядя на череду его странных ужимки, Тан Хао молвил:

— Вот оно что, ты все-таки отыскал ту, что любишь. Что ж, смотри не вздумай причинить ей

вред ради силы — ни ей, ни ее чувствам к тебе.

— Разумеется, я понимаю.

Не успели стихнуть его слова, как Е Линлин уже заметила его, остановилась шагах в пятнадцати и произнесла:

— Чжэнь, ты снова пьешь. Алкоголь губит здоровье, больше не пей.

Тан Чжэнь с улыбкой потер затылок и ответил:

— Я всего одну пиалу пропустил, ничего со мной не случится, не переживай.

Король Золотых Драконов холодно фыркнул у него в голове:

— Хм! Человеческие чувства — это просто...

<http://bllate.org/book/21045/2140840>